

УДК 821.113.6-3-93
ББК 84(4Шве)-4
Н66

*Серия «Лучшая новая книжка»
Иллюстрации Анны Лукьяновой*

Нильсон, Мони.

Н66 Цацики и лучший друг : [для младшего и среднего школьного возраста] / Мони Нильсон; пер. со швед. М. Людковской; ил. А. Лукьяновой. — М.: Самокат, 2020. — 200 с. : ил. — (Лучшая новая книжка). — Доп. тит. л. швед. — ISBN 978-5-91759-885-7.

Истории о Цацики и его Мамаше шведской писательницы Мони Нильсон давно полюбились читателям. И вот, наконец, долгожданная шестая книжка — «Цацики и лучший друг»!

Цацики взрослеет, а кругом — одна тоска. Самое противное, что Мамаша и Йоран целыми днями ссорятся, что денег нет, а соседка фон Пук вечно всем недовольна. К тому же девчонки в классе считают, что Цацики и Хаммар ведут себя как дети. Единственная радость — это что папа Ловец Каракатиц обещал на все лето позвать их к себе, в Агиос Аммос. Но взрослые только обещают. Если хочешь чего-то добиться в этой жизни и не помереть с тоски, надо действовать самому, это Цацики уже понял. И он не собирается сидеть сложа руки!

Детская и в то же время недетская книга о сочувствии, терпимости и взрослении детей и их родителей.

*Любое использование текста и иллюстраций
разрешено только с согласия издательства.*

Tsatsiki och Hammarn
Copyright © Moni Nilsson & Natur & Kultur, Stockholm 2015
Russian edition published in agreement with Koja Agency
© Pija Lindenbaum, 2020
© Людковская М., перевод, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательский дом «Самокат», 2020
ISBN 978-5-91759-885-7

ОГЛАВЛЕНИЕ

7 Клятва
и два волоска	74 Сюрприз
так сюрприз
12 Фон Пук	78 Нищий,
как попрошайка
15 Где папа
Ловец Каракатиц?	82 Имбирное
папаченье
20 Гости к ужину	87 Ябедь
25 Дурацкое утро	94 Сунета и Флорин
29 И дурацкий день	99 Ангелы
33 Лузеры	103 Шанс
37 Сломанная гитара	109 Так нельзя
42 Принц Ловец
Каракатиц	111 Вши и вампиры
45 Аноним	119 Сложнее даже
математики
49 Соблазнитель	122 Тоска
и маленький,
маленький окунь
52 Мы все одна семья	125 Есть только
один Цацики
57 Сватовство	129 Сочельник
61 Домашний арест	132 Ожидание
65 Лучшие в мире
бабушка с дедушкой	135 Деньги, деньги
69 День
растительности	

- 139** Иногда вообще
не понимаешь,
где находишься
- 142** Весна
- 145** Отбирать у бедных
- 149** Работа
- 152** За каракатицами
- 157** Желание
- 163** Автобусные
террористы
- 170** Рождение, первые
шаги и первая
растительность
- 175** Поли кала =
очень хорошо
- 177** Ц как Цацики
- 182** Так скучно,
что тошно
- 187** За день до того как
- 190** Прощальный
пикник
- 192** Суперзнаменитость

КЛЯТВА И ДВА ВОЛОСКА

— До завтра, — сказал Цацки и посмотрел вслед Перу Хаммару.

Тот рванул в сторону Санкт-Йорансгатан, взмывая в воздух фонтаны воды. Белые джинсы девочки, стоявшей рядом, покрылись мокрыми серыми пятнами.

— Поосторожней нельзя, придурок?! — заорала она.

Цацки прыснул со смеху, но умолк, словив ее злобный, испепеляющий взгляд. Чуть куртку не прожгла.

— Нечего надевать белые джинсы в такую погоду, — тихо пробормотал он и отвернулся.

— Цацки! Цацки! — Пер Хаммар остановился. — Обещай! — крикнул он так громко, что прохожий, шедший мимо, подпрыгнул от неожиданности.

— Обещаю! — крикнул Цацки.

Пер Хаммар взбежал на пригорок и исчез в подъезде своего дома.

Хаммар жил здесь всегда. Ровно в половине шестого вся семья садилась ужинать. Сейчас было почти шесть, и он уже трижды сбросил звонок своей мамы. Ему было не до нее. Они с Цацики обсуждали важные вещи. Такие важные, что мама, ужин и весь мир могли подождать.

Это был полный улет. Пер Хаммар влюбился. Влюбился в Ким. В ту самую Ким, которая была его девушкой еще во втором классе. В ту самую Ким, которая его бросила, когда он побоялся с ней целоваться.

— Я и сам от себя такого не ожидал, — сказал Пер Хаммар. — Но я понял это сегодня на физре, когда играли в хоккей с мячом и она забила последний гол. Скажи, она офигенно симпатичная.

Прямо уж симпатичной Цацики бы ее не назвал, зато Ким была добрая. Ни капельки не противная и не вредная, в отличие от Марии Грюнваль, или Грюн, как ее звали в классе. Цацики тоже был бы не прочь влюбиться, чтобы жизнь не казалась такой тухлой. Но, увы, он никого не любил. Однако пообещал Перу Хаммару, что непременно влюбится.

— За компанию-то оно куда веселее, — сказал Пер Хаммар.

Цацики посмотрел на телефон. Мамаша звонила всего один раз. Йоран прислал эсэмэс. Просил купить молока и бананов. Цацики теперь почти каждый день после школы заходил в магазин. Особенно если была плохая погода.

Сунета сидела на своем обычном месте у входа.

— Привет, Цацики, — сказала она, протягивая стаканчик. Денег в нем было немного. Но Сунета не грустила. Несмотря на дождь.

— Привет, — ответил Цацики и развел руками, показывая, что денег нет.

— Please*, — взмолилась Сунета, потрясая стаканчиком.

Цацики поспешил внутрь, в тепло. Он чувствовал себя самым подлым человеком на свете.

Будь он богачом, он подарил бы Сунете дом с мягкими кроватями и холодильником, до отказа набитым едой. Но, к сожалению, он не богач. Билл Гейтс богач, и главный чувак из «ИКЕА» тоже, только они, наверно, не знают о том, что в Стокгольме есть нищие, — ведь если знали бы, то попрошайкам не пришлось бы попрошайничать.

Чувак из «ИКЕА» мог бы как минимум дать беднякам кровати, чтобы не спали на улице. Ведь

* Пожалуйста (*англ.*).

у него их дофига. Почему не разрешить нищим спать в «ИКЕА» по ночам? Взрослые никогда не могут придумать ничего стоящего.

Цацики взял два литра молока и направился в отдел фруктов искать экологические бананы — он знал, что Мамаша будет беситься, если он купит обычные.

Когда он вышел из магазина, дождь лил как из ведра, и одеяла, на которых сидела Сунета, промокли. Она потеряла рукой голодный живот. Цацики достал из пакета бананы. Раньше он всегда отдавал Сунете сдачу, но теперь у него была карточка. Йоран считал, что так лучше. Но вряд ли Сунета думала так же.

— Спасибо, — сказала она и послала благодарные воздушные поцелуи — сперва Цацики, потом небесам.

Цацики пошел на остановку ждать автобуса, который никак не приходил. Он скучал по Паркгатан, где прожил всю свою жизнь. Рядом с Крунисом — парком Крунуберг, рядом со школой и рядом с Пером Хаммаром. Настолько рядом, что они бегали друг к другу в гости когда заблагодарсудится. Даже если на улице шел дождь, даже если стояла кромешная тьма и им нужно было увидеться всего лишь на коротенькую секундочку.

В те времена Пер Хаммар почти каждый день

ходил к Цацики после школы. Они забирались в домик под потолком, где никто не мог им помешать и услышать их секреты. Теперь же они в основном шатались по Фридхемсплану, после чего Цацики возвращался на автобусе домой. Бывало, они зависали в Крунисе или на рампе в другом парке, Ролисе, но с тех пор, как похолодало и зарядили дожди, они все больше околачивались в магазине игровых приставок, мечтая о новых дорогих играх. Только настоящим делом это не назовешь.

В пятом классе играть — во всяком случае друг с другом — уже как-то не принято. Приходя домой, Цацики иногда строил что-нибудь из лего, но без особого удовольствия. Возможно, это потому, полагал Цацики, что у него на одном месте появилось два волоска.

Он обнаружил это накануне вечером и страшно перепугался. Только у подростков и у взрослых растут там волосы. Вдруг с ним что-то не так? Вдруг через несколько дней он проснется весь волосатый, с бородой по самые уши?

И самое страшное: вдруг его волоски кто-нибудь увидит? Скажем, в физкультурной раздевалке.

ФОН ПУК

Цацки открыл тяжелую дверь своего нового дома на Норр-Мэларстранд, 11. Он промок до нитки и хотел писать. Если лифт сейчас же не приедет, он может не дотерпеть.

Когда лифт наконец опустился, внутри стояла Анита фон Пук и красила губы алой помадой.

На самом деле ее звали Анита фон Пюк, но Мамаша окрестила ее фон Пук за то, что та вечно ворчала и возмущалась. Мамаша ее недолюбливала.

Фон Пук, кажется, тоже недолюбливала Мамашу. Она каждый день звонила им в дверь и спрашивала, не они ли загадили прачечную комнату, не они ли поставили коробки в отсек для крупногабаритного мусора и не они ли заляпали их латунные таблички на двери.

Мамаша считала, что фон Пук ненормальная.
— А ты просто со всем соглашайся, — сказал

как-то Йоран. — С сумасшедшими лучше не спорить. Терпеть не могу разборки с соседями.

Цацки открыл дверь лифта и улыбнулся Аните фон Пук жалобной, выражающей нетерпение улыбкой. Фон Пук склонила голову и посмотрела на него. И явно осталась недовольна увиденным. Цацки был такой мокрый, что вода с одежды капала на мраморный пол.

— Ты пришел к кому-то в гости? — спросила фон Пук.

— Нет, — сказал Цацки, скрестив ноги.

— В этом доме мы не любим беготню, — сообщила фон Пук и улыбнулась алыми как кровь губами.

Цацки ничего не понимал. Какая беготня? Это она на него, что ли, намекает? Но он-то стоит неподвижно.

Наверно, Мамаша права. Фон Пук ненормальная. Реально чокнутая. И видит то, чего не видят другие. Йоран говорил, что с ней лучше не спорить...

Цацки обернулся.

— Да, просто ужас! — поддакнул он, сделав большие глаза. — Беготня — это настоящий кошмар. Вон один пробежал. — Цацки указал на лестницу. — А вон еще один, вы только посмотрите!

— Паясничаешь? — недовольно прошипела

фон Пук. Лицо у нее скривилось так, будто она откусила большой кусок лимона.

Цацики покачал головой и еще сильнее стиснул ноги.

— Я очень спешу, мне надо в туалет.

— Понятно. Ты, что ли, из этой новой семьи, с пятого этажа?

Цацики кивнул и попытался протиснуться в лифт. Но фон Пук не сдвинулась с места.

— Как тебя зовут?

— Цацики.

— Странное имя. Нездешний, что ли?

— Здешний. Я же здесь, вот стою.

Фон Пук фыркнула, но наконец вышла и закрыла за собой дверь. В лифте воняло сигаретами и противными духами.

Цацики нажал на пятый.

— А теперь здесь! — Цацики помахал фон Пук из лифта.

— Не забудь за собой вытереть! — крикнула фон Пук. — Беспорядка мы тут не потерпим.

и отправила столько же эсэмэс. Но Цацики не собирается с ней больше разговаривать. Он будет жить здесь, пока не уедет в Грецию. И вот тогда-то они с Йораном пожалеют о том, как с ним обошлись. Но будет поздно.

ДЕНЬ РАСТИТЕЛЬНОСТИ

На осенние каникулы Пер Хаммар уехал в Эребру навестить своих бабушку с дедушкой. Хотя ехать не хотел. Это было еще скучнее, чем просто скучать дома. Хесуса отправили в хоккейный лагерь, на улице шел дождь. Последние дни Цацики даже не одевался. Они с дедушкой играли в покер и смотрели старое кино. Больше всего они любили «Айвенго» и черно-белые фильмы братьев Маркс. У дедушки была полная коллекция.

Однажды Цацики показал братьев Маркс Перу Хаммару. Тот вообще не смеялся. Наверно, чтобы понимать этот юмор, надо вырасти на их фильмах, думал Цацики.

— Или иметь очень необычный вкус, — сказала бабушка.

Она больше любила современные триллеры. Причем смотреть их предпочитала в одиночестве.

Бабушка считала, что своей болтовней дедушка только мешает.

— Потому-то я и выбираю старые фильмы — есть хоть о чем поговорить, — отвечал дедушка.

Пожалуй, не существовало людей более непохожих, чем бабушка с дедушкой. Тем не менее они никогда так не ссорились, как Мамаша с Йораном. Жить у бабушки с дедушкой было и в самом деле хорошо и спокойно. Даже слишком хорошо и спокойно. К счастью, у них был компьютер, и Цацики с Пером Хаммаром могли играть в *Warcraft*.

Цацики сидел в дедушкином кресле и ждал Хаммара, который должен был вот-вот подключиться, когда в дверь постучали. В комнату заглянула Мамаша.

— Можно войти? — спросила она.

— Входи, если очень надо, — ответил Цацики.

— Мы соскучились, — сказала Мамаша. — Когда ты вернешься?

— Не знаю, — сказал Цацики.

На столе у дедушки стояла старая фотография Цацики и Мамаша. Мамаша взяла ее в руки и улыбнулась.

— Какой ты был симпатичный! — сказала она. — А на меня посмотри... Какая у тебя была молодая мамаша.

— И? — ответил Цацики и послал эсэмэс Перу Хаммару, чтобы тот поторопился.

— Как же хорошо нам с тобой жилось! — Мамаша присела на подлокотник кресла.

— По-твоему, я еще ребенок? — сказал Цацики.

— Придет время, ты вырастешь и покроешься прыщами. Потом ты станешь взрослым, а это уже на всю жизнь. Наслаждайся, пока еще маленький. Быть взрослым не так уж и здорово, поверь.

— Потому что взрослые вечно ссорятся? — спросил Цацики.

— Да, — вздохнула Мамаша и втиснулась рядом с ним. Они еле помещались в дедушкином кресле. — Мой взрослый малыш, — сказала Мамаша и приятно почесала ему затылок — так, как умела делать только она.

— Но я правда уже взрослый, — сказал Цацики. — У меня есть доказательства.

— В смысле?

— У меня волосы кое-где выросли.

— Да ладно! — ахнула Мамаша.

Цацики не мог удержаться от смеха. Мамаша была в шоке.

— Так что перестань повторять по любому поводу, что я еще маленький, — сказал Цацики и серьезно посмотрел на нее. — И хватит все вре-

мя вмешиваться в мою жизнь. И позорить меня перед моими друзьями.

Мамаша глядела на Цацики. И вдруг у нее из глаз полились слезы. Тушь потекла, и на щеках появились черные полосы.

— Обещаю! — сказала она. — И прости, прости меня, пожалуйста, что я сама не догадалась.

Она набросилась на него с поцелуями как сумасшедшая. Цацики не сопротивлялся, хотя не знал, нормально ли это — ведь все-таки он уже совсем взрослый.

— Послушай, — сказала Мамаша. — Такие великие события нельзя пропускать. Мы должны это отпраздновать.

Она вытащила его из кресла и поволокла в гостиную. Дедушка играл на полу с Рециной. Бабушка и Йоран сидели на диване.

— Вставайте, — сказала Мамаша. — Мы идем праздновать.

— У него же не день рождения, — удивилась бабушка.

— Нет, у него — день растительности.

Йоран вопросительно посмотрел на Цацики.

— Ну, у меня... волосы выросли... — Цацики смущенно указал глазами. Он не знал, сердиться ему на Мамашу или просто провалиться со стыда.

— О, это очень важно, — сказала бабушка. —

Прими мои поздравления. И сколько их у тебя?
Если не секрет.

— А те, которые я выдернул, тоже считать? —
спросил Цацики.

— Ну же, вставайте, — сказала Мамаша. — Я уго-
щаю.

— Вот еще, — возмутился дедушка и поднялся
с пола. — Это я должен угощать. Растительность
Цацики унаследовал от меня.

СЮРПРИЗ ТАК СЮРПРИЗ

— Но мы же не будем отмечать каждый его волосок? — забеспокоился дедушка, когда они сидели за столиком в его любимом ресторане. — Боюсь, мне это не по карману.

Цацики и Мамаша переглянулись и захихикали. Цацики замолчал, когда официант принес мороженое, которые полыхало и искрилось..

— *Нарру hair to you!** — пропела Мамаша чуть громче, чем хотелось бы Цацики.

Люди за соседним столиком начали подпевать. Цацики уставился в стол, мечтая превратиться в хлебную крошку.

— Поздравляю, — сказал официант и поставил искрящуюся бомбу-мороженое перед Цацики.

— Ура! — Мамаша подняла бокал. — Ура моему большому маленькому мальчику.

* *Hair* по-английски — «волосы».

Цацки покачал головой.

— Что такое? — не поняла Мамаша.

— Ну, я знаю, что ты хочешь как лучше, но ты же обещала.

— Ничего не понимаю, — сказала Мамаша. — Что я ни делаю, все не так.

— Добро пожаловать в клуб, — засмеялась бабушка.

— Может, тебе стоит немного ослабить поводок, — предположил Йоран.

Цацки кивнул.

— И не заставляй меня краснеть, — добавил он. Может, ты и не знаешь, что такое стыд, зато я знаю...

— Если честно, то, по-моему, ты самый мудрый и самый прекрасный человек на всем свете, — сказала Мамаша по дороге домой.

Мамаша обещала исправиться и снять с Цацки домашний арест. Йоран обещал поменьше ворчать, а дедушка сказал, что вообще-то сам хочет немного посидеть в своем кресле для умных мыслей. Цацки согласился дать Мамаше шанс и вернуться домой. Он был рад. Но вслух этого не сказал.

— Ты так говоришь просто потому, что я твой ребенок. Мамы обязаны так думать.

— Заткнись, — сказала Мамаша. — Не то брошу тебя в воду.

— Если догонишь, — сказал Цацики и рванул вперед.

Он пересек парковку, где среди дорогих машин стоял их уродский «вольво». Отсюда через дорогу виден был подъезд. У дверей на сумке кто-то сидел.

— Янис! — заорал Цацики. — Папа!

Какая-то машина злобно засигналила, когда Цацики выбежал на красный свет. Но он не мог ждать ни секунды.

Янис встал и распростер руки.

— Цацики, — воскликнул он, похоронив его в объятиях. А потом чуть отстранился, чтобы разглядеть получше. — Какой же ты большой.

— И волосатый, — сказал Цацики и засмеялся.

Янис улыбнулся Мамаше.

— Surprise! — воскликнул он, раскинув руки в стороны.

— Да уж, черт возьми, сюрприз так сюрприз! — сказала Мамаша и, сделав два шага вперед, обняла Яниса. — Сюрпризы — это наша с тобой фишка.

— Привет, — сказал Йоран и протянул руку. — Классно, что приехал! Милости просим.

Не обрадовалась только Рецина. Она проснулась и, увидев Яниса, закричала. Закричала так, как умела только она. Ее лицо стало такого же огненно-красного цвета, как волосы.

У Цацики чуть барабанные перепонки не лопнули, пока они ехали в лифте.

— Как она похожа на тебя, — сказал Янис Мамаше.

— А Цацики становится все больше похож на тебя! — попыталась перекричать Рецину Мамаша.

На лестницу выглянула фон Пук и, пока они ехали мимо ее этажа, не спускала с них глаз.

— Это мой папа Ловец Каракатиц, — закричал Цацики, указав на Яниса.

Фон Пук хлопнула дверью.

НИЩИЙ, КАК ПОПРОШАЙКА

Улыбка не сходила у Цацики с губ. Казалось, он никогда больше не будет грустить. Он поверить не мог, что его папа Ловец Каракатиц сидит у них на кухне. Чтобы поверить в это, он вынужден был все время его ощупывать. Янис, видно, соскучился не меньше, потому что он тоже не мог удержаться и все время тискал Цацики.

— Как хорошо ты говоришь по-шведски, — удивилась Мамаша, которая раньше всегда объяснялась с Янисом по-английски.

— В моем отеле живет один швед, я поселил его бесплатно, а он меня за это учит шведскому. Я же должен общаться со своим сыном, — объяснил Янис и потрепал Цацики по голове.

Янис привез кучу подарков. Съедобных. Маслины, масло и рецину, любимое вино Мамаша. А бабушка прислала Цацики его любимый пирог со шпинатом.

— Вот не знал, что праздновать день растительности так приятно, — сказал Цацики и сунул в рот маслину, которую тут же выплюнул.

Янис засмеялся:

— Маслины только что с дерева. Их надо сперва засолить. Я тебя научу.

— Почему ты не отвечал на мои звонки? — спросил Цацики.

— У меня сломался телефон, компьютер тоже. Денег нет. И не только у меня. У всех в Греции большие проблемы. Нет работы, нечего есть...

— Я думала, хотя бы в вашей деревне дела идут неплохо, — сказала Мамаша.

— Люди продают дома, лодки. Все, что можно продать.

Янис тяжело вздохнул.

— Хорошо хотя бы, что ты можешь ловить каракатиц, — сказал Цацики. — И писать картины.

— Каракатицами и картинами с банком не рассчитаешься. Ведь я взял кредит, чтобы построить отель. Нет, я должен найти работу. Вернуть кредит. А иначе отель придется продать.

В кухне стало тихо. Продать *Father and Son*? Так назывался отель Яниса. «Отец и сын».

— Как грустно, — сказал Йоран, который наконец-то уложил Рецину спать. — Найти работу? Ты имеешь в виду здесь, в Швеции?

Янис кивнул:

— Да, Швеция — хорошая страна. Много рабочих мест, демократия.

Цацики не понял. Янис что, решил сюда переехать? В Швецию?

— Наконец, Цацики, у тебя будет отец, которым ты сможешь гордиться.

— Я и так тобой горжусь, — сказал Цацики. — Ни у кого во всей школе, а может, и во всей Швеции нет папы Ловца Каракатиц.

Янис лежал в кровати Цацики, Цацики лежал на полу на матрасе и смотрел в потолок. Он не мог уснуть. Кажется, Янис тоже не мог.

— Не спишь? — спросил Янис.

— Неа, не могу, — сказал Цацики и сел.

Янис приподнял одеяло, и Цацики заполз к нему и поудобнее устроился на его руке. Янис пах Агиос-Аммосом. Солью и чем-то сладким одновременно.

— От тебя пахнет ровно так, как должно пахнуть от папы. От моего папы Ловца Каракатиц, — сказал Цацики и довольно вздохнул.

— А от тебя пахнет ровно так, как должно пахнуть от сына, — ответил Янис и зарылся носом в волосы Цацики.

— Ты сейчас очень, очень бедный? — спросил Цацики.

— Да, — сказал Янис.

— Как попрошайка?

— Кто это? — не понял Янис.

— Не важно, — сказал Цацики, — потому что, даже если ты станешь нищим, как попрошайка, я все равно буду тебя любить. И всегда приду тебе на помощь.

— Я думал, это папы должны спасать своих детей.

— Ерунда, — сказал Цацики. — В Швеции всё по-другому.

ИМБИРНОЕ ПАПАЧЕНЬЕ

— Хочешь имбирного папаченья? — спросил Цацики и пошарил в глубине шкафчика.

Йоран обожал имбирное печенье. И поэтому прятал его от Цацики.

— Имбирное папаченье? — переспросил Янис, который сидел за компьютером и искал работу.

Со стороны это не казалось слишком увлекательным занятием.

— Ага, — сказал Цацики. — Я так говорил в детстве, когда у меня не было папы.

Он поставил пачку на стол, взял одно печенье и разломил в руке. Получилось пять кусочков, которые он зачихнул в рот.

— Если разломается на три части, можно загадать желание, — сказал он. — Когда мне было семь лет, я всегда загадывал тебя. Потому что как раз тогда начал понимать, что странно не иметь папы.

Янис грустно посмотрел на него и, взяв пече-

ные, разломил в руке. И сразу — на три кусочка.

— Новичкам везет, — сказал Цацики. — Загадывай!

— Хочу найти работу, — сказал Янис. — А еще мне нужен новый телефон.

— Я спрошу у бабушки, может, она отдаст тебе свой. Она недавно купила себе новый.

На самом деле Цацики думал попросить ее старый телефон себе, но Янису он был нужнее.

— Вкусно, — сказал Янис и взял еще одно папаченье.

— На Рождество можем испечь пряничный домик, — сказал Цацики. — Точно, давай испечем *Father and Son*, а вместо ватного снега разложим вокруг песок.

Янис кивнул, хотя явно ничего не понял. В Греции, наверно, не принято печь пряничные дома с ватыным снегом.

Цацики подпер рукой подбородок и взглянул на Яниса. Он еще не привык, что папа живет с ним. Не привык иметь двух пап. Это было и хорошо, и плохо. Оба пребывали не в самом лучшем настроении, и это было хуже всего.

Янис переживал, что найти работу оказалось не так просто, как он надеялся, а Йоран — что Янис занял его дом. Еду последнее время чаще всего готовил Янис.

— Ну и отлично, — сказала Мамаша, — так он не будет чувствовать себя обузой.

— Да, но я и сам люблю готовить для своей семьи, — возразил Йоран.

— Ха! — сказала Мамаша. — Что-то я раньше от тебя такого не слышала.

Еще Цацики мучила совесть, когда он не сразу возвращался домой после школы. Он жалел Яниса, ведь у него в Стокгольме совсем не было друзей.

— Да ладно, — говорила Мамаша. — Янис — взрослый человек, он сам решил приехать. Ты не должен переживать за него.

— Нет, должен, — сказал Цацики. — Кроме меня, у него никого нет.

Зато у Цацики теперь всегда был папа, который исполнял его желания. Цацики даже не успевал заикнуться, что проголодался, как Янис и Йоран вскакивали с дивана и наперегонки бежали на кухню.

Но лучше всего было то, что они наконец доделали домик под потолком. Как-то вечером Янис и Цацики начали строить, а Йоран, вернувшись с работы, им помог. Они стучали молотками до позднего вечера и уже почти закончили, когда в дверь позвонили.

Цацики открыл. Мамаша больше не боялась

нацистов. После переезда они перестали получать письма с угрозами, и какашки в почтовый ящик им тоже больше не подкладывали. Но Цацики испугался. В дверях стояли два полицейских — парень и девушка. Они явно пришли за Янисом.

— Мамаша! — позвал Цацики. — Мамаша! Полиция хочет арестовать Яниса.

Полицейские улыбнулись. Анита фон Пук, стоявшая за ними в своей пропуканной коричневой кофте, тоже.

— Здравствуйте, что у нас тут происходит? — спросила девушка-полицейский.

— У нас все в порядке, — сказала Мамаша, — кроме того, что вы до смерти напугали моего сына.

— Простите, — сказали полицейские, глядя на Цацики. — Но к нам поступила жалоба от ваших соседей. Они говорят, что у вас в квартире драка.

— Вот как? — сказала Мамаша. — Можете зайти и своими глазами посмотреть, как мы убиваем друг друга молотками.

— Она шутит, — взволнованно объяснил Цацики, когда полицейские вошли. Мамаша захлопнула дверь прямо перед носом фон Пук. — Мы никого не убиваем, мы просто строим домик.

— Классная антресоль, — сказал парень-полицейский. — Мне бы такую!

— Это мои папы построили, — гордо ответил Цацики. — Мои папаченья. Вы теперь посадите их в тюрьму?

— Нет, — сказала девушка-полицейский. — За домики под потолком никого не наказывают.

— Но кого наказать не помешало бы, так это фон Пук, — сказала Мамаша.

Цацики был с ней полностью согласен.